

- Иосиф Леонидович, вы убеждены, что хороший артист не может быть хорошим человеком. Почему?

- Я думаю, что театр - это место, которое располагает к проявлению в человеке не лучших качеств. Вот почему, к сожалению, в театре собираются не самые высоко нравственные, не самые благородные, не самые интеллигентные люди, хотя, конечно, есть исключения из этих правил. Эти люди работают с собой, как с материалом, над которым все время совершают некий опыт: с одной стороны - нужно соотносить себя с высокими морально-нравственными законами жизни, а с другой - постоянно провоцировать по сценарию низменные чувства. Поэтому часто люди нашей профессии раздрызганы внутри.

- Вы репетируете "Чайку". Не смущает, что ее так много сейчас ставят?

- Сейчас идут 12 "Чаек". Я сознательно иду на то, что это тринадцатая.

- А кто из режиссеров вам интересен?

- Считаю выдающимся режиссером современности, конечно же, Анатолия Васильева, моего товарища по институту. С радостью бегу на все спектакли Петра Фоменко. Последнее время все обрушилось на Виктюка, тем не менее это выдающийся мастер современного театра. Очень интересно то, что делают Генриетта Яновская, Кама Гинкас, Валерий Фо-

Время счастья Иосифа Райхельгауза

Иосиф Райхельгауз считает себя счастливым человеком. У него есть свой театр "Школа современной пьесы", в котором работают единомышленники и никогда не бывает пустых мест.

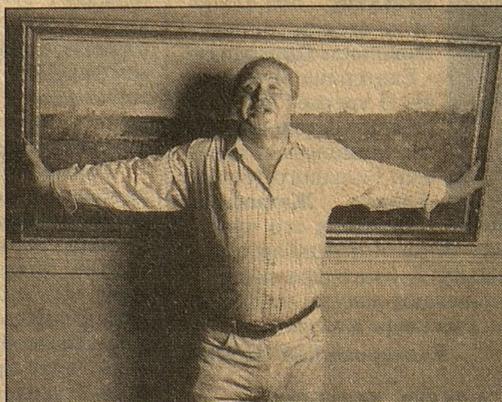

Фото Владимира Мышкина

кин, тоже мой товарищ, Борис Морозов - мой однокурсник и друг.

- У вас работают актрисы, о сложных характерах которых ходят легенды: Ольга Яковлева и Татьяна Васильева.

- Ольга Яковлева очень капризная, у нее тяжелый характер, но это нормальное дело для артистки. Она очень внимательна к прическе, к костюму, к гриму, к любой детали реквизита. Спектакль "Без зеркал" начинается в семь часов, а она гримироваться начинает в четыре. И в итоге создается ощущение, что она без грима. А Татьяна Васильева как раз радуется хорошим характером. Замечательная актриса и прекрасный человек.

- У вас есть свой зритель?

- Да, конечно. Когда я ставлю спектакль, сижу в середине зрительного зала и стараюсь делать все так, чтобы мне было интересно. Поэтому я всегда думаю, что зрители - это люди моего круга. А потом... стою в конце зала и смотрю спектакли. Смотрю, как зрители входят, какие они. Зритель должен уходить в состоянии нервного "промывания", когда чувства обнажаются. Театр существует для этого. Человек в театре должен смеяться, плакать, пе-

реживать. В нашей жизни уже редко что вызывает искренний смех, искренние слезы. Поэтому, если театр способен вызвать это на уровне искусства, - замечательно.

- Сейчас многие режиссеры, особенно в кино, говорят, что раньше было лучше, что именно в те годы они сняли свои шедевры, а сейчас намного сложнее и та цензура редакторская намного лучше сегодняшней денежной...

- Я так не думаю. Ненавидел и ненавижу коммунистов и всю эту мерзкую систему со всеми этими КГБ, управлениями культуры. Сам не был ни коммунистом, ни комсомольцем. Поэтому для меня последнее десятилетие, что бы ни происходило, особенно последние восемь лет, - время счастья, когда никто не мешает заниматься тем, чем ты хочешь. И твой труд реально оценивается по его результатам. Могу поехать в любую страну, и я езжу, ставлю спектакли, читаю лекции. Если нас зовут на гастроли, то мы едем и зовем к себе. Ко мне домой приходят выдающиеся театральные деятели мира, и я не боюсь, что кто-нибудь будет интересоваться, о чем мы с ними разговариваем. Да и о чем я с ними могу еще разговаривать, как не о театре? Поэтому время прекрасное, замечательное, мне только жаль, что оно поздно наступило.

Марина ЗЕЛЬЦЕР

01.98

Иосиф Райхельгауз

Архивисты и гранты - 1998 - с. 11-2
с. 115

217